

- Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/ неопределенность. - СПб.: Наука, 1992. - С. 125-141.
5. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1981.
  6. ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1990.
  7. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь.// Новое в зарубежной лингвистике. - Вып.Х. - М.: Прогресс, 1981. -С. 496-530.
  8. Hopper P.J. Thompson S.A. Transitivity in Grammar and Discourse.// Language. - 1980. Vol. 56. - P.251-299.
  9. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. - Oxford: Oxford Univ. Press, 1978.
  10. Objects: Towards a Theory of Grammatical Relations. - L., etc.: Academic Press, 1984. - X, 302 p.

Е.В БОНДАРЕНКО (Белгород)

ЛОГИКА И МЕХАНИЗМ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКОВОЙ ДИАХРОНИИ

Современные методы лингвистических исследований позволяют по-новому осмыслить общеизвестные факты истории отдельных языков, столь тщательно собранные и расклассифицированные еще младограмматиками. В настоящем исследовании делается попытка подобного рода. Общим местом германистики является проблема хронологизации английской диахронии: *When did the Middle English begin?* Что же послужило истинной причиной столь кардинальной переориентации морфологической системы древнеанглийского языка? Практически общепризнанной причиной, повторяемой в учебных пособиях, называется экстралингвистический фактор - интерференция скандинавских диалектов (Ильиш 1968: 211; Смирницкий 1965: 57).

Попытка системного осмысления среднеанглийских морфологических инноваций позволяет усомниться в правомерности подобного категорического утверждения.

Представление языка как системно-структурного феномена (независимо от гносеологического или онтологического характера этого утверждения) предполагает его пространственную и хронологическую эволюцию по особым законам, которые определяются данными типологического характера. Логика диахронической эволюции системы указывает на внутрисистемные причины изменений.

Экстралингвистические факторы могут быть лишь инициаторами или катализаторами структурных преобразований. Утверждение А.Шлейхера о том, что язык существует в обществе и, следовательно, развивается вместе с обществом, представляет интерес лишь с точки зрения истории лингвистических учений (Шлейхер 1964: 114). В.Гумбольдт был несомненно прав, говоря о том, что источник языковых изменений лежит в самом языке (Гумбольдт 1964: 85, 99). Эволюция - это имманентно присущее языку качество. Ее нельзя осмыслить вне связи с системой, внутри которой она происходит (Якобсон 1963: 104). Неоднократно и справедливо подвергались критике диахронические исследования младограмматиков за их анатомизм и внесистемность. Анализ отдельных языковых фактов и явлений вне самой системы оказывался малоубедительным или даже неверным. В этом отношении достаточно сослаться на интерпретацию таких явлений, как, к примеру, проблема утраты простого прошедшего в некоторых южнонемецких диалектах (Мигачев 1991). Традиционные исследования опирались на такие весьма нечеткие объяснения, как "развитие по аналогии", в то время как системное диахроническое исследование предполагает со всей очевидностью в данном случае закономерный морфонологический системный процесс.

Логика диахронической эволюции достаточно прозрачна. Поводом к определенным сдвигам в системе являются особенности индивидуального речевого акта. Об этом известно со времен И.А. Бодуэна (Бодуэн де Куртене 1973: 386). Об этом писал Г.Пауль (Пауль 1960: 45). Аналогичной точки зрения придерживается Э.Косериу (Косериу 1963: 278). Механизм этого первого акта системного изменения достаточно подробно освещен А.Мартине (Мартине 1963: 532).

История лингвистики знает несколько направлений в решении вопроса о причинности диахронических изменений. Кроме индивидуалистического подхода, о котором мы говорили выше, существуют социальная и географическая трактовки причин возникающих в языковой диахронии инноваций (Прокош 1954: 48; Jespersen 1954: 257). Сторонники теории субстрата предлагают свое решение проблемы (Террачини 1971: 28; Смирницкий 1965: 57). Выше мы уже упоминали работу А. Мартине "Основы общей лингвистики" (Мартине 1963), и здесь нам представляется необходимым несколько подробнее остановиться на некоторых положениях его понимания эволюционных изменений в языке. А.Мартине особо подчеркивает общественную сущность языка и индивидуальный акт коммуникации, считая, что причина определенных сдвигов в языковой структуре кроется именно здесь. Удовлетворение потребности людей в общении и желание свести к минимуму свои умственные и физические (или физиологические) усилия рассматриваются им как основные движущие силы языковых изменений (Мартине 1963). Эта точка зре-

ния уже близка к структурно-системной интерпретации новых явлений в языковой диахронии. Несколько смещенными оказываются лишь некоторые акценты.

Признание системной сущности языка со всей необходимостью влечет за собой признание системности диахронического процесса. К примеру, не приходится специально оговаривать тот факт, что ступенчатый характер первого общегерманского передвижения согласных, определенный некогда Я.Гриммом (Grimm 1822), (*tenues* и, возможно, *tenues aspirata* спирантизировались, затем *media* оглушались и, наконец, *media aspirata* теряли аспирацию или в определенных позициях спирантизировались) неприемлем сегодня уже в силу дискретного, поэтапного характера представления этого единого процесса. Позднее этот же материал неоднократно интерпретировался более адекватно имевшему место в действительности процессу (Прокош 1954).

Однако здесь не лишне будет вернуться к вопросу о деструктивном характере фонологии и сдерживающем характере морфологии. Эта проблема, поднятая еще младограмматиками, является и сегодня достаточно спорной (Мигачев 1991). Учитывая межуровневые функциональные связи, существующие между уровнями фонологии и морфологии, мы можем принять этот тезис с определенными оговорками. Фонология действительно деструктивна и ведет к разрыхлению парадигматики и синтагматики лишь на первом этапе диахронического изменения - только до тех пор, пока эволюционный процесс носит фономорфологический характер. Изменение плана выражения морфемы под влиянием активной фонологии имеет известные пределы, которые в принципе ограничены ее манифестационной функцией, категориальным значением алломорфа. Любая инновация, возникающая в системе языка на первом, фономорфологическом, этапе, может долгое время существовать в языке и фиксироваться литературной нормой. Судьба ее, однако, не всегда прямолинейна: логически рассуждая, она должна быть элиминирована самой системой как ненужная дифференциация с нулевым планом содержания. В истории языка, однако, результаты первого фономорфологического этапа не всегда логически закономерны. Многие альтернативы исторического характера сохраняются в языке и приобретают дополнительные диакритические функции второго плана абстракции (маркирование класса, основы, типа и проч., см. Макаев, Кубрякова 1969: 87-119). На данном фономорфологическом этапе диахронического развития активной является фонология. Морфология пассивно воспринимает все фонологические инновации, остается сама, однако, индифферентной к этим изменениям. На втором, уже морфонологическом, этапе языковой диахронии активной становится морфология: она начинает использовать возникшие инновации в качестве маркеров своего категориального значения. Таким образом, мы следуем

предложению В.А.Мигачева о строгом различении ролей и места фонологии и морфологии в диахроническом процессе, разграничивая в последнем фономорфологические и морфонологические этапы. Действительно, не любая альтернатива формы морфемы является морфонологическим явлением, как это считалось ранее. Морфонологическим считается лишь то чередование, которое связано с маркированием грамматического категориального значения: только при наличии факта морфологического использования фонологических средств можно говорить о морфонологии (Мигачев 1991: 75). Морфонология изучает межуровневые функциональные связи между двумя близлежащими уровнями фонологии и морфологии. При синхронном анализе изучение этих связей может проходить как с точки зрения фонологии, так и со стороны морфологии: т.н. "подход сверху или снизу". Задачи фонеморфологии достаточно четко определены еще Н.С. Трубецким - исследование фонологической структуры морфем и комбинаторных чередований в межморфемных швах (Трубецкой 1967). Задачи морфонологии иные: изучение альтернатив, выполняющих грамматическую функцию. В процессуальной диахронии продуктивным оказывается разграничение фонеморфологических и морфонологических этапов или процессов. Разграничение фонеморфологии и морфонологии - указывает В.А. Мигачев - принципиально еще и потому, что первая призвана изучать единицы внутри уровней, в то время как вторая - функционирование единиц в системе. Отсюда разграничение проблем, предмета исследования, явлений и методик. И еще одно немаловажное обстоятельство: фонеморфология ориентирована на синхронные исследования, а морфонология - на исследования диахронических процессов (Мигачев 1991: 84). Мы полагаем, что такое преднамеренное сужение области исследования позволит увидеть в хорошо известных фактах диахронии языка (в нашем случае английского) новые стороны эволюции, что в свою очередь поможет осмыслить истинные причины возникновения или утраты тех или иных грамматических категорий, но уже в рамках единого морфонологического процесса, т.е. в пределах диахронической эволюции языковой системы.

Так, по нашему мнению, должна быть осмыслена логика механизма диахронических процессов в языковой системе.

Нам представляется небезынтересным проследить морфонологические процессы в период между древнеанглийским и среднеанглийским языками на материале лишь одного памятника этого периода: "The Proverbs of Alfred". Этот памятник является в известной степени уникальным феноменом истории английского языка. Его своеобразие заключается в следующем:

1) памятник существует в четырех вариантах:

а) вариант (J) - рукопись семидесятых годов XIII века, хранится в Jesus College, Oxford. Одно из наиболее полных собраний (456 строк);

б) вариант (I) - рукопись второй половины XIII века, список сделан предположительно норманцем (W.Skeat, *Early English Proverbs*, Oxford, 1910, p.14), хранится в Trinity College, Cambridge. Содержит 668 строк;

в) вариант (M) - список начала XIII века, хранится в Maidstone Museum, Kent, содержит 266 строк;

г) вариант (C) - рукопись конца XII века, исчезнувшая во время пожара 1731 года, частично восстановленная по ранее сделанным спискам и, как отмечают некоторые авторы (N.R.Ker, *Medium Aevum*, V, 1936, p.115), копии выполнены неаккуратно и наименее надежны для анализа.

Все варианты значительно разнятся по форме и даже по содержанию. Наиболее тщательному анализу подвергался вариант (J). Литературоведческий и экстралингвистический анализ, проведенный Ч.Брауном и М.Саунт (расположение отдельных частей текста, добавление или изъятие некоторых строк, корректировка прочтения отдельных строк, хронологическая и диалектная привязка вариантов), убедительно показал, что наиболее надежным и близким к первоисточнику является вариант (C) (Brown 1926; South 1931: 3) Вариант (J) признавался ими как модернизированный. Проведенный позднее тщательный сопоставительный анализ четырех вариантов памятника практически по тем же направлениям, но с большим уклоном в языковые особенности (Arngart 1942, т.1) свидетельствует о том, что, несмотря на некоторые новации лексического характера, рукопись (J) следует признать как наиболее приближенную к оригиналу, аутентичной. Ее инновации носят поверхностный характер (в основном обновление лексики, ритмики и рифмы), в то время как наличие в текстах многих лексических и грамматических архаизмов говорит в пользу того, что "J text preserves some original readings from the common original" (Arngart 1942: 10). О.Арнгарт дополнил свое исследование вторым томом, в котором он построчно разбирает параллельные тексты всех вариантов, выявляя неясные места, ошибки переписчиков, обоснованность или необоснованность отдельных лексических замен и толкование спорных строк. И вновь, как и в первом томе, он подтверждает наибольшую надежность, аутентичность и близость к оригиналу варианта (J). (Arngart 1942, т.2). Несохранившийся оригинал принадлежал Альфреду и относится ко второй половине IX века.

И действительно, сопоставительный морфологический анализ текстов, а нас именно он должен интересовать в связи с общей направленностью работы, подтверждает вывод О.Арнгарта о древ-

ности рукописи (J). Здесь достаточно широко представлена падежная флексия, чего уже нет в других вариантах:

вариант (J)	вариант (I)
(32) wʁpsipes welde да. глагол wealdan управляет род. пад. "честью обладать"	(32) wʁsipe weldin
(28) lusten eure louerde да. глагол hlýstan управляет дат. пад. "слушать вашего лорда"	(28) lustin hure louird
(520) wurcheʃ wyllen cristes wyllen < willan "исполняют желания господа"	(520) wurche wille to criste [e < en < an]
457) vale worde род. пад. мн.ч. "многие слова"	(457) fele word
(73) godne king вин. пад. "хорошего короля"	(73) god king
(329) swikelne muʃ вин. пад. "живый рот"	(329) fikil mod
(81) to his owere dure дат. пад. "собственной двери"	(81) to his oze dure
(93) þes knyhtes род. пад., муж. р., ед.ч. "того рыцаря"	(93) þe chiches
(204) þan arewe дат. пад., муж.р., ед.ч. "тому трусу"	(204) þin arew
(165) þene tyme вин. пад., жен.р., ед.ч. "то время"	(165) þe time
(8) of þare lawe дат. пад., жен.р., ед.ч. "тому закону"	(8) of þe lawe
(74) þat lond вин. пад., ср.р., ед.ч. "ту страну"	(74) þe lond
(59) hine... wʁþie личн. мест., вин. пад., жен.р., ед.ч. "его честь"	(59) him
(283) þine wife прит. мест., вин. пад., жен.р., ед.ч. "твоей жене"	(283) þi wif

Рамки статьи не позволяют привести многочисленные примеры, подтверждающие в большей степени древнеанглийский характер морфологической структуры варианта J, в то время как другие варианты практически отражают структурные признаки среднеанглийской морфологической системы.

2) Хронологический разнос вариантов составляет практически четыре столетия: IX - XIII века, если мы принимаем вышеуказанную аутентичность варианта (J). Это как раз тот период, в течение которого в истории английского языка протекали наиболее значительные морфонологические процессы, приведшие в конечном счете к полной переориентации морфологической структуры. Это хронологический стык всех системных инноваций.

3) Уникальным этот памятник является и в диалектальном отношении. Все четыре варианта, несмотря на их относительно незначительные различия, вероятнее всего, списаны с Sussex'ского архетипа, и все диалектные "напластования" достаточно четко прослеживаются и могут быть исключены из общего анализа. Нам кажется, что вопрос, поставленный в начале данной статьи - *When did the Middle English begin?* - необходимо рассматривать не в хронологическом, а в языковом, системно-структурном плане. И материалы списков рукописей короля Альфреда, которые достаточно хорошо представлены в лингвистической литературе, должны помочь в системной реконструкции тех морфонологических процессов, которые имели место в истории английского языка указанного периода.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые из общих положений... // Хрестоматия по истории русского языка. - М.: Наука, 1973.
2. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития. // История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. - Ч.1. - М.: Наука, 1964.
3. Ильиш Б.А. История английского языка. - М., 1968.
4. Косериу Э. Синхрония. Диахрония и история. // Новое в лингвистике. - Вып. 3 - М.: Прогресс, 1963.
5. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О статусе морфонологии и единицах ее описания. // Единицы разных уровней грамматического строя языков и их взаимодействие. - М.: Наука, 1969.
6. Мартине А. Основы общей лингвистики. // Новое в лингвистике. - Вып.3. - М.: Прогресс, 1963.
7. Мигачев В.А. Проблемы диахронической морфонологии германских языков. - Белгород, 1991.
8. Пауль Г. Принципы истории языка. - М.: Наука, 1960.
9. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. - М.: Наука, 1954.
10. Смирницкий А.И. История английского языка. - М.: Наука, 1965.

11. Террачини Б. Субстрат. Современное итальянское языкознание. - М., 1971.
12. Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфологии. - ПЛК. - М., 1967.
13. Шлейхер А. Немецкий язык. // История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. - Ч.1 - М.: Наука, 1964.
14. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. // Новое в лингвистике. - Вып.3. - М.: Прогресс, 1963.
15. Arngart O. The Proverbs of Alfred. - I-II - Lund, 1942.
16. Brown C. Modern Language Review. - XXI - 1926.
17. Grimm J. Deutsche Grammatik. - Goettingen, 1822.
18. Jespersen O. Language. It's Nature, Development and Origin. - London, 1954.
19. South M. The Proverbs of Alfred Studied in the Light of the Recently Discovered Maidstone Manuscript. - NY., 1931.

Н.И. ДЗЕНС (Белгород)

РОЛЬ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В лингвистической литературе, посвящённой проблеме анализа семантического субъекта простого предложения, отмечается наличие большого числа структур, в которых наблюдается несоответствие грамматического и семантического субъекта/ лица (асимметрия формально-грамматической и семантической структуры предложения). Так, например, безличные/бессубъектные предложения могут выражать действия одушевлённых (большой частью антропоморфных) субъектов, обозначаемых либо эксплицитно, посредством косвенных агентивных "указателей", либо имплицитно, семантикой глагольной лексемы при поддержке контекста, например:

В дёвках сижено; У молодца послужено; У волка идено по дороги; Похожено коло моря кинми; Mich friert (ср.: Ich friere); Dem Vater grauset's; Es wimmelt von Menschen / von Fliegen; Es wird von den Jugendlichen getantz; Bei Euklid / bei neuen Geschichtsschreibern wird unterstrichen, daß ...; Zwischen / unter ihnen ward vereinbart, daß...; In Homers "Odyssee"... wird erzählt, wie ... (Frau, 712); Ez grunet an den esten (= die Äste grünen); Es munkelt, daß... (Поговаривают, что ...); Ez starb umberal umb Nurenberg; Auf den Tanzflächen rumpelt es; es tantz sich hier gut; Daran wird sich nicht gern erinnert; An die Tür klopfte es и т.д. Личные предложения также обнаруживают асимметрию формальной и содержательной структуры: грамматический субъект мо-